

— Да-съ, рубликъ-съ. А что сверхъ этого положите, коли ваша милость будетъ, ваше благородіе, господинъ писарь...

— Ну, будетъ!.. прерываетъ ее Черныхъ. — Ты, Игнатичъ, сына, говоришь—поучилъ?

— Поучилъ, Денисъ Иванычъ, какъ же,—въ ту жъ пору поучилъ, чтобъ не баловался.

— А ну-ка, поучи еще!

Отцовская длань немедленно запутывается въ бѣлобрысыя волосенкаxъ восьмилѣтняго мальчугана; раздается жалобный пискъ: „батьа, не буду! Ой, ой, никогда не буду!“..

— Ладно!—останавливаетъ Денисъ Иванычъ экзекуцію. —Такъ ты не будешь больше баловаться, парнишка, а?

— Не буду, дяденька!..

— То-то-жъ, смотри!.. А то я вотъ Петровичу тебя отдамъ—онъ те такъ раздѣляетъ... А ты, Игнатичъ, отдай ей пятиалтынный-то за писклака...

— Что-жъ, Денисъ Иванычъ,—я цѣну настоящую завсегда отдать готовъ... А то вдругъ—рупъ!..

— Это какъ же, судьи праведные, сверхъ рублика пятиалтынничекъ мнѣ на убожество пожаловали?—алчнымъ тономъ спрашивается черничка.

— Ну, зажирѣешь, мата: всего-на-всего пятиалтынный.

— Это что же будетъ?.. Въ надсмѣшку вы мнѣ это дѣлаете?—такъ я не молоденькая!.. Нѣтъ-съ, я этимъ судомъ недовольна: два раза по восьми верстъ проѣздила...

— А кто-жъ те сюда танулъ? Сидѣла бы себѣ дома, акафисты читала, да душу спасала...—ехидствуетъ Колесовъ.

— Скопію мнѣ пожалуйста, господинъ писарь, я дѣла кончать не буду: я завтра-жъ къ господину становому приставу... Рази это по закону?.. Я до высокихъ особъ доходить буду!

— За копіей приходите въ среду, раньше не будетъ го-това,—объясняю я.

— Это мнѣ еще разъ восемь-то верстъ переть?.. Понимаю-съ, очень даже преотлично понимаю-съ, что все это вы въ надсмѣшку мнѣ дѣлаете. Только ужъ я не позволю—нѣтъ, ужъ я не позволю!..

И черничка, при дружномъ хохотѣ всѣхъ присутствующихъ (кромѣ Черныхъ), бѣгомъ бѣжить изъ волости—жаловаться товаркамъ на причиненную ей обиду.

— Никого тамъ больше на судъ нѣту?—спрашиваю я Петровича.

— Никакъ нѣтъ-съ!..